

Заложник

*Даже искаженное понимание мира может быть
выгодным в краткосрочной перспективе. Тем
не менее ненависть — это яд.*

Далай-лама

Измятая записка

Ему казалось, что он контролирует все. А если что-то не контролирует, то это «что-то» можно купить. На момент нашей первой встречи ему было 38 лет. Анатолий, южно-уральский олигарх. Он пришел ко мне абсолютно поверженным, растоптанным, я бы сказала — обескровленным, не имеющим сил жить, работать, просто дышать. Он даже не мог говорить и едва ли не с порога протянул мне записку:

«Я больше не могу. Это не любовь. Это жестокость. Я ненавижу жестокость. Я не твоя принадлежность. Сын остается с тобой, Сессиль я забираю. Она слишком маленькая. Надеюсь, ты будешь стерт из ее сердца и памяти. Не пытайся нас искать. Я не изменю своего решения».

Анатолий был женат на француженке. Пока он и его сын Анри были в отъезде, жена Магали бежала вместе с дочерью. По всей видимости, покинула страну. Забрала какие-то деньги, ценные вещи. Это стало ударом: Анатолий не мог предположить такого и в самом страшном сне.

Он держал уже довольно измятую записку в руках, но не верил в ее реальность. Он умирал от боли. Исчезла женщина, которую он, по его словам, любил. Исчезла дочь, которую он боготворил. Мир остался где-то там — высоко, себя же Анатолий ощущал провалившимся в черную яму.

[132]

Наши взаимоотношения строились буквально с первых мгновений непросто. Мы начали с того, что я не пустила в кабинет его телохранителей. Первую чашку кофе в моем кабинете Анатолий выпил только в конце первого года терапии; до этого он категорически отказывался от каких-либо угощений в кабинете. Он выработал в себе привычку не пить и не есть вне дома — боялся покушений на свою жизнь.

Мне было трудно поначалу оценить, насколько адекватными были эти удивительные меры предосторожности: угрожало ли ему что-то в действительности или гипотетическое отравление было плодом фантазии. Но я видела, что Анатолий ощущает враждебность к нему всех и вся. Это касалось и меня, и, пожалуй, даже членов его семьи.

Первое время мне постоянно приходилось бороться с его стремлением купить меня. Почти каждый раз он пытался оставить за сессию больше оговоренной суммы. Иногда пробовал подарить что-то дорогое.

Я понимала, за этими попытками лежит, во-первых, привычка иметь за деньги большую власть в отношениях — ставить человека в зависимость от оказанных ему некогда услуг, а во-вторых, думаю, здесь имело место желание проверить, можно ли мне доверять, то есть насколько легко меня купить.

Наши встречи были напряженными. Мне с трудом приходилось пробиваться через стены его психологических защит.

Анатолий отчаянно нуждался в помощи; я видела, как он страдает от боли. Привычные жизненные стратегии привели его к очевидному краху в отношениях с женщиной, которую он любил, но он мертвой хваткой продолжал держаться за свои убеждения. По каждому вопросу человеческих взаимоотношений у него было свое устойчивое видение, которое он категорически отказывался даже подвергать сомнению.

Порой после пятидесяти минут терапии с Анатолием мне казалось, что я отработала полные шесть часов. Я видела, что Анатолию наши встречи тоже давались нелегко. У него не получалось управлять мною. Но удивительно: он продолжал контакт со мной! Казалось, он был готов на все, только бы вернуть жену и дочь.

Два типа людей

Шаг за шагом я начинала больше понимать, как устроена личность Анатолия. [133]

Это был безусловный лидер — человек с незаурядной силой и интеллектом. Человек с невероятной трудоспособностью. Но, к сожалению, в его лидерстве сквозили черты деструктивности.

Свою империю он построил, пройдя по многим головам. Он захватывал, подкупал, подставлял и жестоко наказывал. Он несколько об этом не сожалел. Напротив, он чувствовал себя триумфатором, потому что ему удалось это сделать первому.

Окружающим он предлагал себя только в двух вариантах.

Он авторитарно подавлял людей из близкого окружения, которые имели хоть какую-то собственную позицию, расценивая это как неуважение и угрозу. Он запугивал или старался купить деньгами.

Анатолий допускал только один вид отношения к себе со стороны близких — подчинение.

Была и вторая группа людей, к которым без всяких рациональных причин он питал странную слабость. Держал их подле себя, велся на их лесть, бесконечно давал им деньги, пропускал, казалось бы, очевидные манипуляции. Они никогда ему не перечили, говорили только то, что он хочет слышать, — похоже, они и составляли его свиту.

Но ни первых, ни вторых он ни во что не ставил. Он, похоже, вообще не понимал, что такое уважение к людям. Этот человек был похож на матерого, ожесточившегося и одинокого волка, который не ждал ни от кого добра. Он не расслаблялся и всегда нападал первым. Его сила, хитрость и интеллект прекрасно помогали ему побеждать в жестоких условиях, но он ничего не знал о жизни, в которой есть доверие, уважение и близость.

Я не боялась его и даже не сердилась подолгу из-за его упрямства тогда. Открывающиеся детали его жизни помогали мне понять мотивы его действий. Но понять и принять — совсем не одно и то же. То, как он жил, как относился к людям сегодня, вызывало у меня отвращение. Он был жесток и мстил людям за грехи, которые совершил кто-то другой в его прошлом. И вот это была настоящая

проблема для меня: договориться с собой, не отвергнуть его, не послать к черту. Хотя не скрою, не раз я была к этому очень близка.

[134]

Жестокий мир

Единственное, за что я могла ухватиться, чтобы найти в себе тепло и сочувствие к этому человеку, — это едва намечающийся контакт с его внутренним ребенком. Очень аккуратно, маленькими порциями я доставала из Анатолия его историю.

Ведь чудовищами не рождаются! Отчим Анатолия унижал и практически не замечал его как человека. Сводный старший брат, иногда вместе с компанией друзей, издевался над ним. Они оттачивали на нем приемы борьбы, но главное, видимо, наслаждались своей безграничной властью над тем, кто был много слабее. Несколько раз Анатолий убежал из дома, за что был бит. Его мать настолько была раздавлена тяжелой жизнью и деспотизмом мужа, что не предпринимала никаких попыток защитить сына. По крайней мере, Анатолий ничего об этом не помнил и затаил глубокую обиду на нее.

Под всем его нынешним воинствующим беспределом, безусловно, лежала глубочайшая детская травма. И как результат — привычка не доверять никому, все время ждать удара и предательства. Он сам был жертвой насилия. И он вел себя, как тот, кто должен каждую минуту противостоять насилию.

Он держался за свою власть, деньги и умение подавлять как за единственную возможность выжить. И Анатолий не видел в этом проблемы. Для него мир был таков.

Передо мной в работе с Анатолием стояли непростые терапевтические задачи.

— Донести до сознания Анатолия, что ни одна ценящая себя женщина не останется с таким мужчиной ни за какие деньги. То есть помочь ему осознать собственный разрушительный вклад в отношениях с женой.

— Помочь Анатолию увидеть, что его личность эмоционально сильно поранена и нуждается в помощи.

— Помочь ему понять причины, по которым он принял на себя роль «чудовища» и стал опасным для близких людей.

— Помочь ему открыть свое подлинное «Я» и освободиться от своего тяжелого жизненного сценария, который несет ему самому и его близким столько боли.

[135]

Но смогу ли я достучаться до него? Найдет ли он в себе мужество выйти из своей тюрьмы на высоком пьедестале? Я не могла этого знать тогда.

Только через три месяца Анатолий перестал орать от боли по ночам. Непереносимое страдание от одиночества чуть отступило. Он начал дышать.

Но вместе с этим он начал ненавидеть свою жену. Все его мысли были заняты желанием мести. Он жил надеждой достать ее хоть из-под земли и наказать.

Я же стояла на своем — последовательно и твердо старалась развернуть Анатолия к реальной картине: для Магали не было другого выбора. Точнее, он был. Но она выбирала между жизнью и смертью. Можем ли мы назвать это преступлением?

Оставшись с ним, Магали принесла бы себя в жертву: она просто исчезла бы как личность. И, вероятно, подавив и стерев себя, заболела бы, погибла в конце концов. Поэтому, повинувшись инстинкту самосохранения, повинувшись жажде жизни, она выбрала побег.

Любая ее попытка оппонировать Анатолию приводила к вспышке его агрессии. Он был страшен и груб. Опасен. После конфликтов он неизменно наказывал Магали игнорированием. Мог молчать и делать вид, что не видит ее, по две-три недели подряд.

В его представлениях о прошлом доминировали яркие, слащавые воспоминания о перемириях. Он с удовольствием рассказывал, как задабривал жену подарками, как был готов исполнять любые ее желания.

Фаза охлаждения — то самое время, в которое он относился к Магали равнодушнее, чем к ползущему муравью, — была в его умозрении блеклым, незначительным фактом, характеризующимся как справедливое наказание за то, что «эта дрянь посмела открыть свой рот».

[136]

Насколько я поняла, разговор с Анатолием о цивилизованном расставании был для Магали в принципе невозможен. Анатолий угрожал ей нищетой и изгнанием. Но это ее не напугало. Тогда он придумал новую тему. «Детей ты никогда больше не увидишь!» — вот что слышала эта женщина в ответ на попытку хотя бы подступить к теме развода.

Сессия за сессией мы топтались на месте. Анатолий выкрикивал проклятья, ревел как бык. То и дело он восклицал: «Тварь!!» и полагал, что за нанесенную ему боль эту «тварь» необходимо уничтожить.

Он просто отказывался видеть глубину, объемность и комплексность реальных обстоятельств. Он настойчиво воспроизводил одномерную примитивную картину, в которой его собственная ответственность отсутствовала как измерение: он не понимал, что к развязке отношений люди идут вдвоем.

Мне понадобилось больше года для того, чтоб открыть в этом человеке возможность видеть собственную разрушительную роль в отношениях с женщиной, которая глубинно была ему дорога.

За это же время я успела получить подтверждение, что угрозы, от которых мой клиент защищал себя телохранителями и бронированной машиной, не были только плодом его болезненных фантазий.

Он ослабил свою железную хватку и контроль в бизнесе, пока заливал потерю жены водкой. В одной из его компаний произошла серьезная утечка средств и информации.

На него было организовано покушение, после чего Анатолий три месяца восстанавливал свое богатырское здоровье. Интересным оказался тот факт, что, несмотря на «преданную свиту», в трудный момент Анатолию было не на кого опереться в делах.

Понемногу он начал задумываться о своей ответственности за то, что происходило в его жизни.

Нам удалось разобраться и в причинах покушения на Анатолия. Некоторое время назад он жестко, не глядя ни на законы, ни на человеческую этику, отобрал у конкурентов существенную часть бизнеса. Он делал это и раньше. Но впервые ему не удалось остаться безнаказанным.

После долгих прояснений мне удалось донести до клиента, что в его бизнесе царилась большая культура взаимоотношений. Он сам был ответственен за то, что рядом с ним не удерживались достойные профессионалы, способные вести себя ответственно.

[137]

Задерживались, как правило, люди, которые могли манипулировать слабостями своего босса.

Многое в бизнесе Анатолия держалось на его контроле, запугивании и манипуляциях. И вот результат: стоило ему хоть чуть ослабнуть, и его же команда его подставила. Никто не брал на себя ответственность, никто не хотел его поддержать. Наоборот, как шакалы стали растаскивать добычу по углам.

Надо отдать должное Анатолию. Ему нелегко было признавать и осознавать свою неэффективность, но я видела, что он пытался использовать терапевтические знания на практике.

Процесс терапии хоть и медленно, но шел.

Русский побеждает быстро

Анатолий и Магали познакомились во Франции, на открытии выставки модного европейского художника.

Анатолий планировал приобрести картины для своего московского офиса. Магали работала журналисткой, заведовала отделом искусства в толстом парижском журнале, подавала надежды, писала рассказы.

Она привлекла Анатолия живым умом, искрометностью, скоростью мышления, остроумием — эта женщина умела шутить. И делала это очень тонко.

Магали отличалась от русских девушек, которые обычно кружили вокруг Анатолия. В особенности отсутствием патологического интереса к деньгам. Нельзя сказать, что они ее не интересовали, но она за них не продавалась.

Я долго не могла понять, почему она выбрала Анатолия, — что сумела разглядеть в этом самоуверенном и авторитарном человеке? Но в ходе терапии, получая все больше и больше

информации, я смогла более или менее точно воссоздать картину прошлого.

[138]

Магали видела и ценила в Анатолии внутреннюю силу и мужественность. Ее привлекла решительность Анатолия, его безоговорочная готовность действовать — всегда, круглосуточно, каждую минуту. Он красиво ухаживал: на такую душевную щедрость французские мужчины уже давно не были способны. Он готов был жениться сразу. И это поразило европейскую девушку.

Инфантильные, робкие, прижимистые парижские знакомые Магали просто растворялись на фоне прямого и решительного Анатолия. Они боялись свадьбы, оттягивали помолвку на годы, рождение детей переносили в какое-то труднообозримое будущее, рассчитывали траты до цента, до последнего бежали от проблем.

И тут Анатолий — альфа-самец, богатырь и хозяин жизни. Он открывал двери ногой. А за его спиной всегда наготове стояла свита.

Влюбленность вспыхнула в одночасье. Все случилось очень быстро. О том, что скрывалось за фасадом победителя и повелителя, Магали узнала позже — тогда, когда оказалась уже в России запертой в золотой клетке.

Не знаю, что рассказала бы мне эта женщина, будь у нее такая возможность. Но из одного только общения с Анатолием я могла понять, что жизнь Магали была вся до последней капли отравлена патологической, умопомрачающей ревностью мужа, его желанием контролировать каждый ее шаг, его садистскими наклонностями, абсолютной неспособностью к диалогу, гипертрофированным стремлением повелевать.

Насколько я смогла понять, чем больше Анатолий восхищался женой, тем острее и навязчивее становился его страх ее потерять. Он лишил ее элементарной свободы передвижения. Выезжать из дома они могли только вместе. Доказывать Анатолию свою невиновность было бесполезно. Запертая в доме, Магали посвящала себя детям. Единственным наполнением ее личной, внутренней, интеллектуальной жизни были книги и музыка.

По мере продвижения терапевтической работы с Анатолием я все больше убеждалась в том, что Магали была очень непростой

женщиной. Я бы сказала о ней — женщина с богатым внутренним содержанием. Личность. Ее поступок становился мне понятным. В какой-то момент она выбрала жизнь, выбрала остаться собой.

[139]

Терапия работает

Только на исходе второго года терапии Анатолий перестал преследовать жену и смог открыто признать свою часть ответственности за разрушение семьи.

К тому моменту он уже нашел Магали. При моей поддержке он аккуратно начал с ней общаться по скайпу. Он учился с ней заново разговаривать. И в конце концов она дала согласие на встречу.

Анатолий улетел в Париж. Вернувшись, он с восторгом рассказывал мне о собственном триумфе: Магали была поражена происшедшей с ним метаморфозой. Она сказала, что даже в самых смелых фантазиях не рассчитывала на такие перемены.

Правда, речь о возвращении Магали пока не шла. Но общение началось. И в нем четко читался курс на оттепель. Анатолий был счастлив. Он повидал дочь, был полон надежд и впервые за долгое время почувствовал себя свободным от мучительной боли.

Я видела изменения Анатолия и радовалась им. Он многое пересмотрел и в своих деловых отношениях. Заменял нескольких ключевых менеджеров, осознав их манипуляции и их неэффективность для бизнеса. Благодаря нашему контакту он почувствовал вкус равных продуктивных отношений с сильными людьми.

Теперь он был в состоянии иногда слушать правду и даже ввел в совет директоров независимого директора. Обстановка в компании становилась явно менее напряженной и более деловой. Анатолий делился со мной, что в бизнесе стали возникать новые темы. Он заметил, что рядом появляются люди, на которых можно в чем-то положиться.

Я чувствовала, как он начинает мне доверять. Он пробовал новые инструменты общения с людьми, и это работало. Перед ним открывались совершенно новые возможности.

Сделка со сценарием

[140] Он хотел жить по-другому, старался, но прошлое пока крепко держало его.

Стоило кому-то даже случайно задеть его точку ранимости, и он не задумываясь начинал жестоко преследовать «виновника», потому что прошлое преследовало его.

Базовый образ мышления Анатолия остался прежним. Глубинное чувственное восприятие жизни, себя, окружающих не изменилось. Почти физически он ощущал повсюду угрозу.

Однажды во время нашей сессии за дверью моего кабинета раздался какой-то странный звук. Я не придавала этому значения, но Анатолий весь насторожился. Он прислушивался к шуму несколько секунд, потом вызвал своих охранников, и, пока те не проверили весь подъезд, мы не могли продолжить нашу работу.

На мой вопрос, что его так встревожило, он коротко ответил: «Всегда нужно быть начеку. Когда у тебя есть что взять, обязательно найдется кто-то, кто захочет это отнять».

— Так жить, наверное, очень тяжело. Вы давно так думаете?

— С трех лет, — не задумываясь ответил мой клиент.

— Почему? — удивилась я.

— Мне тогда на день рождения бабушка подарила машинку, классный грузовик. Мой старший брат попросил ее у меня. Я дал ему на некоторое время, а потом забрал. Тогда он разозлился и стал мне угрожать, что заберет машинку, как только я усну.

— И что вы сделали? Сказали родителям?

— Бесполезно. Я уже тогда это знал. Я лежал всю ночь в темноте, крепко прижав машинку. — Анатолий показал, как обнимал машинку и прижимал ее к сердцу.

— Всю ночь?

— Под утро я, видимо, незаметно уснул, а когда открыл глаза, было уже светло и машинка исчезла. — Анатолий запнулся, как будто захлебнулся подступившими чувствами. — Я нашел ее во дворе с оторванными колесами и дверями. Родители ушли на работу, а мой брат бегал за мной и смеялся.

— Что вы тогда чувствовали?

— Мне кажется, у меня потемнело в глазах от обиды и ярости. Я ненавидел его. Кинулся на него с кулаками. Но ему тогда было уже одиннадцать, и он был сильнее. Он снял с меня штаны и избил. — Мышцы на лице Анатолия искривились. — Я был полным ничтожеством.

[141]

— Анатолий, мне очень жаль! — Я почувствовала, как к моим глазам подступили слезы. — Мне так жаль, что вас никто не защитил от этого, очевидно, нездорового подростка. Его нельзя было оставлять с ребенком!

— Послушайте, мой сводный брат не один такой! Весь мир полон таких уродов. — В зеленых глазах Анатолия сверкнула холодная сталь ненависти. — Моего брата застрелили в середине 90-х. Всех этих ублюдков не перестреляешь. Я научился с этим жить и бороться. Яйца отрезаю легко. И хватит об этом.

Его душой продолжал править брошенный во враждебном мире мальчик. Его эмоции, питаемые неизжитой детской травмой, все еще одерживали верх над разумом.

Чтобы изменить ситуацию, нужна была глубинная терапия. Пройдя через такой опыт, он имел бы шанс освободиться от прошлого. Мы уже приблизились к этой возможности, проделав долгий путь.

Но Анатолий, видимо, решил по-другому. Начав получать желаемое от жизни, он посчитал для себя правильным закончить терапию. Он даже не обсудил это со мной. Однажды он просто исчез.

Я догадывалась, что дальнейшая системная работа с ядром его жизненного сценария, с его детской болью означала бы для него слишком радикальные перемены во всей жизни. Видимо, это было слишком страшно.

Несмотря на мои предупреждения о драматичности и коварности его жизненного сценария, о критической для него важности глубокой личностной работы, он сам принял решение и поступил так, как ему было легче сейчас.

Он убедил себя, что теперь уже все будет с ним хорошо и что уже полученные в терапии знания помогут ему сделать выстроенные им психологические защиты совершенными. Видимо, он верил, что заключил со своим сценарием выгодную сделку, что обхитрил его.

[142]

К сожалению, этого еще никому не удавалось сделать. Не-разряженная бомба замедленного действия продолжала тикать внутри Анатолия, дожидаясь своего часа.

Я ничего не знала о развитии его истории. Снова в моем кабинете он появился только через семь лет.

Большой позор

СМС пришло во время приема. Закончив встречу, я проводила клиента и прочла сообщение: «У меня беда с сыном. Нужна ваша помощь. Анатолий». Не помня его номера, я как-то сразу поняла, от кого СМС, и перезвонила, как только освободилась.

В своей обычной манере, не выражая никаких эмоций, он коротко попросил встретиться как можно скорее. Я спросила, что же случилось с Анри, но Анатолий коротко ответил, что разговор — не телефонный.

Придя через пару дней, он с натугой попытался вымучить приветственную улыбку, но никакие мимические усилия не могли скрыть его состояния — он весь будто гудел от напряжения, как высоковольтный провод.

В моей голове мелькнули какие-то мысли о возможной тяжелой болезни мальчика, о катастрофе — цел ли он? Что может быть причиной такого горя родителя? Сев в кресло, минуя прелюдии, Анатолий начал говорить:

— На прошлой неделе Анри исполнилось восемнадцать. В день рождения он пришел ко мне в кабинет и сказал, что не хочет быть мужчиной. Он якобы давно это понял. Но молчал, ждал восемнадцати. Чтоб, как он сказал, никто не смог бы повлиять на его решение. Короче говоря, объявил мне, что уезжает во Францию и, как только заработает достаточно денег, сделает операцию по перемене пола. Всё.

В кабинете повисло молчание. Анатолий уперся локтями в колени и опустил свою тяжелую, исполинскую голову на руки. Помял руками лицо, потер глаза. И, подняв на меня взгляд, сказал:

— Мне стыдно об этом вам говорить. Всего ждал в этой жизни, только не такого позора... Вы можете с ним встретиться?

— Зачем?

[143]

— Вам можно доверять. Кроме вас, я никого не могу посвятить в это.

— А ваш сын согласен на встречу?

— Да, я с ним говорил.

— Вы уверены?

— Да. Вы не думайте, я все помню, помню ваши принципы, вашу систему работы... Я спросил у него. Я не заставлял. Сын сказал, что пойдет. Даже с удовольствием.

— Хорошо, я не возражаю. Только давайте обсудим прямо сейчас: что вы ждете от этой встречи? Вы же знаете, я не творю чудес. По-человечески я вам очень сочувствую. Но, если парень принял свое решение, я не буду его переубеждать. Вы же знаете на своем опыте общения со мной, что это бесполезно. Люди готовы серьезно что-то менять в своей жизни только тогда, когда сами этого хотят.

Анатолий взглянул на меня, вздохнул, снова прислонил ладони к лицу, будто собираясь содрать измучившую его душную маску.

— Может... Может, у вас получится ему как-то помочь? Я не говорю, что надо давить.

— Хорошо. Давайте договоримся так. Я встречу с Анри. Но, поскольку он еще мальчик, вы должны в полной мере отдавать себе отчет в том, что работа с ним будет иметь успех только в случае, если и вы, и ваша жена будете активно участвовать в процессе его терапии. Я не имею в виду совместные сессии. Я имею в виду прежде всего необходимые перемены в вашем отношении к нему. Самоповреждающие поступки, совершаемые нашими детьми, — это их неосознанный ответ нам, родителям. Так они отвечают на нашу нелюбовь, на невнимание, на непонимание. И если в критический момент мы хотим по-настоящему помочь ребенку — именно ему, а не себе, — мы должны менять себя. Подозреваю, Анри может оказаться тверд в своих взглядах. Помните, вы часто шутили о себе: «Усрамся — не поддамся». А это — ваш сын.

Анатолий ничего мне не ответил. На прощание он молча пожал мне руку и ушел — таким же мрачным, подавленным и согбенным.

Детонатор сработал

Встреча сильно взволновала меня. Да, Анатолий был прежним. Он помнил о ценностях и принципах, которые мы обсуждали несколько лет назад, но только на уровне рациональных выводов и решений. Он не взял, не впитал их в свою жизнь.

Он продолжал относиться к людям как потребитель. Ему в голову не пришло извиниться за то, что он нарушил наш терапевтический контракт и исчез семь лет назад.

Он просто позвонил, когда ему снова потребовалась моя помощь. Видно, детонатор его «внутренней бомбы» все-таки сработал. Меня охватила грусть. Появилось какое-то недоброе предчувствие.

Я никогда не видела Анри. В прошлом, в период нашей с Анатолием работы, мальчику, конечно, доставалось с лихвой. Ему тогда было всего одиннадцать.

Депрессии отца, пьяные психозы, слезы, истерики с ломанием стульев, помноженные на его собственную беду — потерю матери, тоску, чувство брошенности.

В глубине души я примерно представляла, о чем пойдет речь. Я прислушалась к себе. Да, без сомнения, мне хотелось помочь мальчику — сделать все, что в моих силах. Однако настрой Анатолия не давал больших оснований для надежд.

Зная этого человека, глядя на обстоятельства трезво, я склонялась к неутешительному прогнозу.

Анатолием правили недоверие и ненависть. Он не доверял никому. Идя по жизни победным маршем, он старался всегда быть неуязвимым. Конечно, в отдельные моменты что-то могло его пробить, и он чувствовал глубокую, человеческую боль. Но довольно быстро, почти рефлекторно он вытеснял ее.

Он заменял эту боль ненавистью к тому, кто эту боль причинил, что, в свою очередь, неизменно аккумулировало мощный заряд агрессии.

[145]

Анатолием овладевало желание наказывать.

Мне было страшно за Анри. Находясь в плену жесткого, непробиваемого сценария, Анатолий вполне мог заставить сына расплачиваться за причиненную им боль.

Я понимала, какую ответственную работу доверила мне сейчас жизнь.

Анри

Анри позвонил в дверь. Я увидела на пороге высокого, хорошо сложенного, спортивного парня. Открытый, прямой, теплый взгляд. Приятный тон голоса, приятный темп речи. Вежливость, скромность.

Что-то важное об этом человеке становилось понятным с первых же минут общения: он был аккуратен по отношению к людям.

Удивительно: Анри и его отец составляли противоположность — две крайности эмоционального диапазона. Анатолий демонстрировал силу, потенциальную угрозу, превосходство. Анри не демонстрировал, из него просто исходила теплота, он создавал в вас чувство безопасности.

Разговор пошел легко. Мои опасения по поводу того, что мальчика принудили к приходу, развеялись практически сразу. Я видела его огромную заинтересованность. Он не пропускал ни одного моего слова. Более того, очень просто и без тени смущения сообщил, что очень-очень хотел прийти. Он читал обо мне в интернете. Готовился. Ждал разговора. Был очень обнадежен тем, что работать предстояло именно со мной. Я поинтересовалась почему.

Он улыбнулся, зажмурился на мгновение, выдохнул и сказал:

— Если вам удалось контактировать с моим отцом, да еще и два года, о... Это дорогого стоит. Я видел, как он по-особенному

относится к вам. И подумал, что вы — совсем не обычный человек. Потому что мой отец... не признает никого.

[146]

Последние слова были сказаны с болью. Мне показалось, что вот-вот и парень заплачет. Но он собрался. И продолжил говорить уже совершенно ровно, взросло, рассудительно:

— Не думайте, пожалуйста, будто бы я надеюсь, что вы измените моего отца. Я не рассчитываю на чудесное спасение. И я пришел сюда не для того, чтобы пытаться через вас оказывать влияние на отца. Я знаю, это невозможно.

Я была немало удивлена зрелостью этих суждений. Мужеству восемнадцатилетнего юноши могли позавидовать многие дожившие до седин.

Он видел реальность такой, какой она была. Он понимал ее. Все эти мысли пронеслись в моей голове разом, за секунду.

Итак, Анри не ждал от меня чуда. Зато Анатолий — ждал, он тайно надеялся, что я обращу мальчика в другую веру.

Анри рассказал о себе. Он занимался спортом, живописью, языками, много читал. Уже в двенадцать лет решил, что жизнь посвятит истории искусства. Образование получать собирался в Сорбонне. Анри был не очень-то коммуникабелен. Считал себя закрытым человеком. Имел весьма небольшой круг общения. Давно осознал и смирился с тем, что среди сверстников его мало кто может понять. У него был один близкий друг, они общались с пяти лет.

— Был второй друг, но... сейчас он не хочет меня больше видеть. Еще я общаюсь с дядей, французом. Ему за тридцать, он художник, искусствовед. Его я считаю, наверное, лучшим своим другом. Он понимает меня. И, конечно, мои любимые мама и сестренка Сессиль. Это главные люди. Я люблю их больше собственной жизни. И хотел бы о них позаботиться. Вот... собственно, это все обо мне.

— Что ж, Анри. Перейдем к тому, что послужило поводом нашей встречи. Расскажите, что произошло?

— Ничего. На самом деле ничего особенного. Я очень давно решил, что не хочу быть мужчиной. Это не новость. По крайней мере для меня. Просто я ждал много лет, чтобы сказать об этом родителям только сейчас — после восемнадцати.

— А почему именно после?

— Потому что я знал, что в противном случае на меня будет оказано давление. И это будет опасно для меня.

— Опасно?

[147]

— Да. Мой отец запросто упек бы меня в психушку.

— Откуда такой мрачный прогноз?

— Вы знаете, когда мама пыталась заводить с ним речь о разводе, он всегда отвечал прямой и однозначной угрозой: говорил, что запрячет ее в сумасшедший дом. И лишит ее всякой возможности доказать, что она — нормальная. Это, кстати, не показное запугивание. Это реальность. Ему вполне по силам оплатить всех и вся, обеспечить полную изоляцию человека, полное его бесправие и беспомощность. Понимаю, что из моих уст это прозвучит страшно, но... для моего отца не существует темы сострадания и моральных ограничений.

Как убить зверя

— Скажите, Анри, что конкретно вы вкладываете в нежелание быть мужчиной?

— Мне противно насилие. Противна власть. Противна конкуренция. Я ненавижу людей, пользующихся своей силой против слабых. Мне омерзительно пренебрежение. Мой отец чувствует себя представителем высшей расы. Он — человек. Остальные — материал. Я не хочу быть таким. Я ненавижу мужские компании.

— Компании? Расскажите об этом подробнее, пожалуйста.

— Мой отец постоянно брал меня в мужские компании: в баню, на охоту, на рыбалку. Знаете, когда я первый раз увидел убитого оленя, я заплакал. Я не понимал. Почему? Такой красивый, никому не причинивший зла, почти совершенный зверь. Он просто жил, ходил по лесу, ел, спал. Он не подозревал, что существует опасность. Люди с оружием не оставили ему шанса. Они просто приехали, чтобы выпендриваться друг перед другом: у кого дороже пушка и кто попал животному в нос или в глаз... Лучше бы они убили зверя в себе... Я плакал. А отец схватил меня за рукав и отволоч в сторону. Он не мог орать, не хотел, чтобы нас

[148]

слышали, поэтому он шипел, как змея: «Ты меня позоришь! Ты что, не мужик?!» Вы знаете, впоследствии я понял, что если «мужик» — это тот, кто убивает беззащитных, то я — не мужик. И мне с этим хорошо!

Анри почти прокричал последнюю фразу. Я понимала, что он не закончил. Просто взял паузу — искал в себе новые силы для следующих откровенных, точных, режущих воздух слов.

— В банях они без остановки вели скабрзные разговоры. Упражнялись в том, что им казалось «остроумием». Прimitивные шутки. Обсуждение любовниц. Насмешки. В том числе — надо мной. Честно говоря, я так и не понял почему. Чем уж я был так смешон?

Они постоянно стремились унижить друг друга. Это казалось им смешным. Мне не казалось. И женщины, которых они вызывали, не казались мне ни красивыми, ни сексуальными. В общем... Мне они отвратительны.

— Анри, я понимаю, о чем идет речь. Я слышу вас и понимаю ваши чувства. Но почему вы решили, что описанное вами есть суть мужественности? В моем представлении мужественность — это нечто совершенно другое. Если вам интересно, могу поделиться соображениями.

Мужественность

— Конечно, мне не просто интересно, мне важно услышать вас.

— Мужественность, как и женственность, бывает зрелая, взрослая. А бывает — незрелая, примитивная. Так вот, зрелая мужественность для меня лично ассоциируется с защищающей силой и разумом. Зрелый, сильный мужчина, особенно лидер, — это тот, кто несет прогресс. Во всех смыслах. Это человек созидающий. А мужчины, которых описываете вы, являются взрослыми только физиологически. По существу — они подростки. Грубые, зажатые подростки, постоянно соревнующиеся друг с другом. Суть их соревнования — выяснить, у кого половой член больше.

Анри улыбнулся.

— Эти люди, Анри, не зрелы. Они не поняли, не осознали, как можно проявлять себя и собственную силу через созидание. Для того чтобы почувствовать свою значимость и ценность, им необходимо кого-то унижить. Такие не умеют любить женщину. Они умеют только покупать. Они не научились уважать личностные границы своих детей. Они умеют только подчинять. Они не могут вдохновить своих сотрудников, но могут принудить. Причина всему этому — глубокие эмоциональные травмы, которые они получили еще в детском возрасте. Кто-то очень жестоко обходился с этими мужчинами, когда они были малы. В их сердцах живет ненависть и ощущение собственной ничтожности.

— Которое они скрывают, демонстрируя крутость и превосходство? — Анри подхватил мою мысль уточняющим вопросом.

— Да, — кивнула я.

— Я об этом много думал, пытаюсь понять жестокость своего отца и похожих на него его компаньонов по бизнесу. Я читал Фромма и Маслоу... Я понимаю, о чем вы.

— Я рада, что мы понимаем друг друга!

— Но ведь мой отец никогда не поменяется! Я не знаю, что должно произойти, чтобы он хоть что-то почувствовал! Он построил свою империю, и в ней он «Хозяин мира». Деньги и власть надежно его защищают. Даже от самого себя, — с болью и безнадежностью закончил свою мысль Анри.

— Анри, дорогой мой, в жизни порой происходят невероятные вещи. Вы уже давно поставили крест на своем отце. Я понимаю, почему это произошло. Вы были слишком малы, чтобы ему оппонировать и защищать себя. Но сейчас вы повзрослели, вы удивительно чувствующий и понимающий парень. Сейчас вы намного сильнее.

— Вы действительно считаете меня сильным?

— Знаете, Анри, вы удивили меня: я пообщалась с вами всего лишь час, но за это время я увидела в вас столько настоящей мужественности, сколько хватило бы на десятерых великовозрастных мужчин. В вас очень много мужества. Вы человек, рядом с которым становится спокойно.

В его глазах мелькнуло что-то вроде света. Похоже, мои слова попали в точку.

— Вы хотели бы еще раз встретиться со мной?

[150]

Несколько секунд он молча смотрел на меня. Я будто чувствовала природу этой паузы: мысль Анри, его желание продолжить разговор, его благодарность — все это было сверх простого «да». Помолчав, он кивнул. И, видимо стесняясь охвативших его чувств, немедленно встал и пошел к пальто.

Храм на чердаке

Структура проблемы начала проясняться. Анри не хотел стать женщиной, нет. Он просто не хотел быть мужчиной.

Перспектива уподобления отцу представлялась ему катастрофой. А как быть мужчиной, причем сильным мужчиной, по-другому, он просто не знал.

Он ведь не видел других примеров. Его дядя в Париже, похоже, был человеком умным и деликатным. Но, с точки зрения отца, это был не мужик, а какой-то «недоделанный гомик». Почему? Потому что у него не было успешного бизнеса, изобилия денег и статуса. Известность его работ как ценность не рассматривалась.

Но самое главное было даже не это. Франк был внимателен к людям, считался с ними и пытался договориться. Не спешил «дать в морду».

С точки зрения Анатолия, он был безнадежный неудачник и слабак. Анри слышал это с раннего детства. И, видимо, такой образец мужественности ему тоже не подходил.

И его детский мозг придумал уникальное решение. На каком-то этапе оно, очевидно, помогло ему выжить. До совершеннолетия он находился в глубокой внутренней эмиграции и в фантазиях о будущем.

Но вот сейчас он решил действовать. Отдавал ли Анри себе отчет в последствиях своего решения, в цене, которую ему придется заплатить в динамике всей его остальной жизни?

Вряд ли. Ведь ему было всего восемнадцать!

Мы встретились снова через три дня. Он был явно рад меня видеть. Анри открыто и прямо поблагодарил меня за то, что

я не свела нашу встречу к уговорам, не давила авторитетом. Оказалось, он все же опасался, что наш контакт будет развиваться по такому знакомому ему сценарию.

[151]

— Вообще-то я должен признать... в чем-то вы правы. Я сдавал развернутые анализы, проверил все гормоны. Никаких отклонений нет. Мое тело считает себя мужским.

Он улыбнулся. Согнул руку и показал бицепс.

— Но я не согласен с телом.

— Анри, а как к вам пришла эта идея — стать женщиной?

Он пожал плечами:

— Да я никогда не задумывался, не знаю.

— Не спешите. Подумайте прямо сейчас. Когда эта мысль пришла впервые?

Анри расслабился, осел в кресле, углубился в себя. И поймав, видимо, какой-то конец цепи воспоминаний, заговорил:

— Когда я был маленьким, мне очень нравились мамины платья. Очень красивые. Очень тонкие ткани, гладкие, легкие, почти нереальные. С изысканной текстурой. Прикосновение к ним давало счастье. Не могу сказать точно, но где-то в те времена я понял, что в будущем обязательно стану изучать историю костюма. Мама — очень красивая женщина. И тогда, и сейчас. У нее фантастический вкус. Она с такой острой, с такой абсолютной точностью комбинирует цвета! В этом смысле она — художник. Я не шучу. К каждому платью у нее был аксессуар. Даже на вешалках платья висели вместе с шарфами. Самым моим любимым ансамблем было серое невесомое платье с лиловым шелковым платком.

Я не перебивала. Не пыталась остановить взглядом или жестом. Анри то и дело поглядывал на меня. И, видя, что я спокойно принимаю поток его воспоминаний, продолжал:

— Когда они с сестрой уехали... Я тосковал. Я ужасно тяжело это пережил.

— Их отъезд стал для вас неожиданностью?

— Нет. Я знал. Мама предупредила меня. Она поделила со мной свою тайну. За три дня она обняла меня, погладила. Посмотрела в глаза. И сказала, что должна уехать. Если не уедет, погибнет. Вот так. А мне, по ее мнению, было лучше остаться. «Я не могу забрать у отца все». Вот что она сказала.

Анри замер. Его взгляд остановился. По щекам потекли слезы. Через минуту он собрался. Промокнул лицо бумажной салфеткой.

[152]

— Она сказала, что любит меня. Но поступить по-другому не может. Она тоже сказала мне, что я мужчина. И должен справиться.

— А с чем вы должны были справиться?

— Наверное, с тем, чтобы жить без нее. По крайней мере, какое-то время.

— А какое именно время, она не сказала?

По его щекам беззвучно текли слезы. Он всхлипнул и помотал головой.

— Она сказала, что будет искать способ защититить меня. Что мы обязательно снова будем вместе. Кажется, она говорила что-то об адвокатах, о помощи консулов, бог знает... Какой-то план у нее был. Наверное.

Что-то в глубине моей груди сжалось. Мне было больно за Анри. Больно за того мальчика, которому пришлось пройти через такое ранящее, несправедливое расставание.

Ни один ребенок на свете не смог бы пройти через это неведимым. Анри продолжал беззвучно плакать. Я протянула ему новую салфетку. И он крепко сжал мою руку.

— Как вы это пережили?

— Не знаю. Тяжело. Адски тяжело... Но я молчал. Я не мог подставить маму. Я знал, что она уедет. Но промолчал. Не позволил себе попытку остановить весь этот ужас. И слава богу. Если бы я хотя бы намекнул отцу... Мамина жизнь была бы погублена в один день. Мне было невыносимо одиноко после их отъезда. Дом стал серым. Темным. Воздух — мутным. Плотным. Отец ходил по дому, как чудовище. Практически не трезвел. Ненавидел весь мир. Орал. Иногда крушил мебель. Иногда вдруг садился на пол и начинал рыдать как ребенок. Временами мне даже становилось его жалко. Я знал, что можно подойти и обнять его. Во всяком случае чисто гипотетически такая возможность существовала. Но я так ни разу и не решился пожалеть его... Просто не рискнул, ведь это могло закончиться чем угодно.

— Анри, как вы справлялись тогда со своим горем? Был хоть кто-то из взрослых, с кем вы могли об этом поговорить?

Анри отрицательно покачал головой.

— Ох... Иногда мне хотелось не чувствовать ничего. Когда мне становилось нестерпимо больно, я шел на чердак. Отец выбросил из дома все мамины вещи. Сжег их. Но он не знал, что на чердаке стояли кое-какие чемоданы и коробки. Туда мама перемещала неактуальную часть гардероба. Я приходил туда. Это был мой тайный дом. Моя тайная церковь. Там я успокаивался. В какой-то раз мне вдруг захотелось потрогать платья. Понюхать. Обнять. Ведь это была часть маминой жизни. А однажды я вдруг решил надеть ее платье. Там было старое зеркало. Я мерил платья, одно, второе, третье... Смотрел на себя. Представлял, какой шарф и какую сумку взяла бы мама к каждой конкретной вещи. Потом я стал доставать туфли... Знаете, наша жизнь с отцом была мрачной. Уродливой. Как раз тогда он начал таскать меня за собой, вводить в мужское общество своих партнеров по бизнесу, прививать вкус к охоте и прочим их забавам. Я страдал. При этом мы практически не говорили. Жили как чужие. Ну... Как будто мы были вместе поневоле. Как будто отца заставили меня усыновить. Отец только кричал иногда. Кричал, что таких слабаков, как я, в этом мире затаптывают ногами не глядя.

— Что происходило дальше?

— В какой-то момент, стоя перед зеркалом в маминой бордовой юбке, я вдруг понял, как смогу победить свою боль. Понял, как смогу жить дальше. Как смогу не превратиться в своего отца. Понял, что стану женщиной. И весь этот кошмар закончится.

Он вздохнул. Переменил позу.

— Понимаю, вы имеете все основания считать меня чокнутым.

— О нет. Вот чокнутым я уж точно вас не считаю. Я считаю, вы были слишком малы для расставания с мамой. Вы остались без нее и, можно сказать, без отца. Ведь он, уйдя в свое горе, отгородился от вас бетонной стеной. Физически он присутствовал, был рядом. Но по существу был опасен. Вы получили очень сильную травму. И, как любой ребенок в подобной ситуации, искали способ выжить. Искали. И нашли. Решение стать женщиной помогло вам выжить в те далекие годы. Оно стало мостом в будущее.

— Вы и вправду так думаете? — Анри будто не верил своим ушам.

[154]

— Да, Анри. Но теперь к этому решению стоит относиться крайне осторожно. Наши детские решения могли быть лучшими для выживания в те далекие тяжелые моменты. Но мы вырастаем, и у нас появляются другие возможности, новые инструменты влияния на окружающих людей и нашу жизнь в целом. Мы можем выбрать на самом деле лучшее для себя, а детские решения внутри нас постепенно превращаются в наши тюрьмы. В оковы. Продолжая вести себя во взрослой жизни в соответствии с устаревшими стратегиями, мы, не отдавая себе отчета, лишаем себя права выбирать то, что нам нужно. Мы не можем быть собой. Не можем развиваться.

Он слушал внимательно. Напряженно. Свел брови. Молчал. Я слышала его углубившееся дыхание.

— Анри, вы позволите прямой вопрос?

— Разумеется.

— Скажите, пожалуйста, мы можем представить, что произошло чудо? Можем на минуту представить, что ваш отец раскаялся, признал свою вину перед мамой, перед вами, осознал свою жестокость, слепоту, авторитарность? Можем...

Он остановил меня жестом:

— Этого не будет никогда. Поверьте. Я не психотерапевт. Но я знаю его дольше, чем вы. Надежды нет.

— Анри, погодите. Я предлагаю вам просто представить это. Лишь на минуту допустить, что случилось чудо.

— Хорошо.

— Итак, если представить, что ваш отец решил учиться быть вам другом, решил договариваться с вами, понимать вас, то можем ли мы в таком случае предположить, что такая перемена в отце повлияла бы на ваше решение?

— Не знаю. Возможно...

Сказав это, Анри вздрогнул. Казалось, он испугался собственных слов. И тут же поспешил оговориться:

— Перемен в отце не будет. Это никогда не случится в реальности.

Не было смысла спорить: я и сама знала, что шансы близки к нулю. Но все же. Всегда есть вероятность чуда. По крайней мере, парень должен был выйти из позиции беспомощности. Он должен был почувствовать свою силу и, самое главное, свою настоящую потребность.

— Поговорите с отцом. Объясните ему, что с вами происходит и почему вы решили отказаться от пола, данного вам природой. Донесите до его сознания, что вам необходимо от него как отца.

Анри, будто находясь в трансе, мотал головой. Его тело, опережая сознание, говорило «НЕТ».

— Анри, ваш отец сейчас очень уязвим. Находясь в своей парадигме, он чувствует себя униженным и оскорбленным. А внутри ему просто больно, что в его жизни что-то серьезно не так. Если и есть момент для разговора с ним, то сейчас — пока его чувства обнажены. Еще чуть-чуть, и он снова закроется броней неуязвимости и ненависти, — тихо закончила я свое послание.

Мальчик сидел не шевелясь минуты две. Он напряженно о чем-то думал.

— А если он снова не захочет меня услышать?

— Тогда закончите этот разговор с достоинством. Считайте, что вы сделали для сохранения ваших отношений все, что зависит от вас. Считайте, что вы себя впервые в жизни защитили открыто и по-взрослому. Остальное — уже его выбор. А вы в этом случае уедете, но не убежите.

— Я вас понял. Я попробую.

Прощаясь, мы тепло обнялись. Мы не знали, встретимся ли снова. И оба хорошо понимали, что, возможно, прощаемся навсегда.

Я просила Анри не забывать о наших встречах. Независимо от того, одобрит ли Анатолий продолжение работы, нет ли, я попросила Анри сохранить в сердце и в памяти главные мысли нашей короткой терапии.

Кроме того, я советовала Анри не бросать психотерапию в принципе. По моему мнению, ему стоило бы найти хорошего аналитического терапевта во Франции и вернуться с ним к вопросам внутренней свободы.

Я находила важным для Анри продолжать поиск и утверждение своей внутренней природы.

[156]

Глядя на Анри, надевающего пальто, я подумала о том, что в жизни этого парня снова происходит странное, размытое расставание на неопределенный срок, с неопределенным прогнозом.

Мне было больно за мальчика. При абсолютном внешнем благополучии его жизнь была мрачной, безрадостной и одинокой. Но каким-то чудом он смог остаться свободным от желания отомстить миру за несправедливую жестокость.

Его глубокая, продленная во времени травма переродилась в желание бежать — бежать из тела, так больно напоминавшего о прошлых ранах.

Я прекрасно понимала, что Анатолий, не услышав того, что хотел, скорее всего откажется оплачивать терапию Анри. Понимала, что Анри готов к тому, чтобы покинуть страну навсегда.

Для меня как для врача-психотерапевта и как для человека это был очень яркий и в то же время очень тяжелый момент в практике.

Работа с детьми — это зачастую работа с заложниками.

В их жизни слишком многое зависит от адекватности родителей. И если родители не готовы или в принципе не способны к признанию и осознанию собственных внутренних проблем, то они не смогут поддержать новый, более высокий уровень внутренней свободы своего ребенка.

Я переживала глубочайшую печаль. Поведение Анатолия и ему подобных я сравнила бы с поведением сумасшедшего художника.

Погруженный в свои переживания, он исступленно пишет картину. А после, увидев на холсте результат — что-то негармоничное и болезненное, кидается на картину с криками о том, что она уродлива и никому в этом мире не нужна.

Как помочь этому художнику? Как объяснить, что изображенное на холсте — это часть его самого? Что это его ответственность?

У меня нет сына

Я обещала попытаться донести до Анатолия причины, по которым Анри принял столь радикальное жизненное решение. [157]

Изменить это решение можно было, но только через изменения самого Анатолия — он мог помочь сыну вырваться из сценария.

Однако, к сожалению или к счастью, заставить человека измениться — нельзя. Ни Анатолия, ни Анри, ни кого бы то ни было нельзя заставить стать кем-то другим. Внешнее давление не может стать причиной изменений, но, скорее, поводом для сопротивления им. Это внутренние процессы. Я объясняла это Анри.

Анатолий пришел два дня спустя. Он был точен. Появился в дверях в назначенное время. Едва увидев его, я поняла: он не в духе. Каменное лицо. Непроницаемая маска. Землистый цвет кожи. Как будто на мой кабинет упала какая-то тяжелая тень.

То есть в его жизни уже что-то случилось. Он пришел сюда не узнать, а сообщить.

— Вчера мы говорили с Анри.

— Кто был инициатором разговора?

— Анри.

— Что ж. Мне приятно узнать об этом. Он очень смелый и сильный парень.

Лицо Анатолия исказила мука то ли злобы, то ли отвращения.

— Он сказал, что не хочет разговаривать ни о каком лечении. С ним все в порядке, так он считает. Представьте! Он не хочет быть мужчиной.

— Это единственное, что он сказал? Удалось ли вам еще о чем-то поговорить?

— А о чем тут говорить?!

— Анри не рассказывал о наших с ним встречах? О выводах, к которым он пришел? Он не пробовал объяснить вашу роль в сложившейся ситуации? Не просил о поддержке?

— Нес какую-то чушь. Явно наобщался с парижским дядей. Набрался гнили от этого гомика.

[158]

Я выдержала паузу. Дала его чувствам войти в приемлемые берега. Мне хватило времени, чтобы почувствовать, как внутри закипает мое негодование.

— Анатолий, вы хотели встречи со мной. Хотели, чтобы я поработала с вашим сыном. Я сделала это. Я здесь. Но сейчас я чувствую, что вы едва сдерживаете свою агрессию и перечеркиваете то, что нам с таким трудом удалось достичь с Анри.

Он чуть сник. Слегка осунулся. Он как будто был утомлен своим бурлящим внутри гневом. Утомлен навязчивыми мыслями, злостью, внутренним монологом, лишь усиливающим боль и агрессию.

— Анатолий, я могу понять вашу боль. Могла бы как родитель понять смятение, сомнения, тревогу. Но я не могу принять вашу агрессию. Ведь вы уже имели опыт общения со мной. Надеюсь, вы вынесли из нашего прежнего контакта определенное понимание причин личностных проблем. Вы ведь знаете, что ваше тотальное недоверие, жестокость и привычка подавлять близких людей есть прямые следствия проблем в вашей семье. Вы помните, как вам было больно, когда отчим игнорировал вас, как будто вы предмет ненужной мебели? Вы помните свой ужас и безнадежность, когда ваш сводный брат с друзьями издевались над вами, когда родителей не было дома? Вы помните свою детскую обиду и немой вопрос к матери, которая делала вид, что ничего не происходит? Почувствуйте своего мальчика внутри себя. Вспомните как вы плакали, забившись в угол на задворках дома, и ждали защиты хоть от кого-то! — Я наконец выдохнула.

Я смотрела прямо в глаза своего клиента. Он отвел взгляд.

— Анатолий, почему же теперь, глядя на своего ребенка, вы отказываетесь осознать и принять свою долю ответственности за происходящее с ним? У вас прекрасный сын. Ему можно и нужно доверять. Ему можно и нужно помогать. Вы хотите, чтоб мальчик был эмоционально здоровым?

— Да. Именно поэтому я здесь.

— Отлично. Я сообщаю вам: это возможно. И я показываю вам путь. Начните с малого — примите сейчас решение своего сына. Возьмите на себя часть ответственности за это его решение.

Не обвиняйте и не давите. Вы способны понять простую, лежащую на поверхности вещь: решение Анри — защитная реакция ребенка.

[159]

— Да от чего ему защищаться?! Его кто-то не кормил, что ли? У него есть все! Возможностей выше крыши. Хочешь музыку? — пожалуйста. Хочешь живопись? — да ради бога. Его что, кусок хлеба кто-то гонит добывать? Я в жизни его никогда не ударил!

— Анатолий, никто не обесценивает ваших заслуг. Вы дали сыну большие материальные возможности, обеспечили классную базу для образования и развития. Все так. Но мальчику не достало другого. Научитесь слышать его. Перестаньте говорить с ним языком угроз и шантажа. Признайте в нем не раба, не вещь, а личность. Человека, отличного от вас. Человека с иными потребностями. Ваши ценности, ваш тип поведения, ваш метод общения с миром для Анри — неприемлемы. Он не такой, как вы. Не такой, как ваши соратники по бизнесу, конкуренты или враги. И он не обязан соответствовать вашим представлениям о мужественности. Он чувственный, тонко организованный, глубокий, рефлексирующий человек. У него есть достоинство. При нем вы обижали мать, которую он любит. Вы унижали его и позволяли унижать его своим друзьям. Вы принуждали его принимать чуждые ему ценности. Вы представляли собой угрозу насилия. Вы утвердили культ силы. Вы отрицали неотъемлемость прав ребенка на уважение и свободу. И в то же время были единственным примером мужественности. Для Анри мужественность — это вы. Он не мужчиной быть не хочет. Он не хочет быть вами. Сейчас ему всего лишь необходимо понять, что ваш путь — не единственный путь для мужчины. — Я говорила, не скрывая своих чувств.

Анатолий пристально посмотрел на меня. Я поймала его взгляд. Внутри у него явно что-то происходило. Он молчал.

— Анатолий, вы продолжаете жить в плену своего сценария. Однажды вы уже ушли из этого кабинета, недоделав работу. Это была сделка с вашим драматическим сценарием: вам стало эмоционально легче, вы вырвались из лап депрессии и вернули возможность контакта с женой и дочуркой. Но в глубине вы остались несчастливым и несвободным. Таким же недоверчивым.

Озлобленным. Авторитарным. Как результат — вы на волоске от еще одной потери. Вы согласны с этим?

[160]

— Возможно, — выдавил из себя Анатолий.

— Я еще раз предлагаю вам: наконец проработайте свою детскую травму, освободите себя от ненависти и боли. Верните себе способность любить. Это возможно. Только таким образом вы сможете повлиять на планы сына.

Лицо Анатолия помрачнело больше прежнего. Он молчал. Повисшая пауза была тяжелого, нехорошего качества. Но я не пыталась ее нарушить. Клиент имел право на собственный выбор. И, видимо, он давался ему нелегко.

Внезапно Анатолий взглянул мне в глаза и с вызовом, чеканно, заговорил:

— То есть вы предлагаете мне принять решение этого засранца? То есть я должен буду мужикам сказать: знаете, ребята, а мой сын — ЛГБТ. — Процедил он, и его лицо исказила гримаса.

— Вы ничего не должны говорить «мужикам». Это ваша личная жизнь, это очень интимно. Вы не должны ни перед кем отчитываться. И вообще речь сейчас не об этом, а о том, как уберечь Анри от его жестокого сценария. Сейчас есть шанс. Мальчику сейчас необходимо, чтобы вы: признали, как сильно его поранили; начали менять свое отношение к нему; учились его уважать и любить; не требовали бы, но попросили не спешить с реализацией идеи об изменении пола. Это и есть функции здорового родителя.

Едва дождавшись окончания моей речи, Анатолий встал. Я поняла: он хочет уйти. Уходит.

— Я очень уважаю вас, — сказал он глухо, едва разомкнув губы, как будто ссохшиеся за неделю молчания. — Но то, что вы просите... на это я не пойду. Этот щенок оскорбил меня. Если он не поменяет свое решение, значит, у меня нет сына.

Анатолий надел пальто и рванул на себя дверь. На пороге он оглянулся. В его глазах я увидела боль. До конца сессии оставалось еще несколько минут. Я не видела смысла его задерживать.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы начать понимать свои чувства. Кто-то внутри меня будто плакал от беспомощности и вселенской несправедливости. Наверное, то был один из самых черных дней в моей практике.

На рациональном уровне я все понимала. Я хороший психотерапевт. Я сделала все, что могла, в этой кризисной ситуации. Но как бы я ни старалась уберечь своих клиентов от их же собственных разрушительных действий — выбор всегда остается за ними. За многие годы практики я научилась эти выборы принимать. В конце концов, это тоже проявление уважения к человеку. Никого нельзя заставлять измениться.

[161]

«Как хорошо, что это был последний на сегодня визит», — подумала я.

И мне вдруг остро захотелось скорее оказаться дома, посидеть возле камина с дочкой и мужем, потрепать за ухо своего преданного пса Рекса.

Мне просто необходимо было согреться любовью, чтобы вернуть себе силы и желание двигаться дальше.